

**РАЗДЕЛ II. КОМПЛЕКСНОЕ ПОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА**

**SECTION II. COMPLEX COGNITION OF THE MODERN
PERSON AND SOCIETY**

УДК 159.9.316.6

**КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ И КОНФЛИКТ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ**

DOI: 10.25629/НС.2021.12.06

Васильева К.К.

Научно- исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Аннотация. Представлена условная модель социально-психологического механизма трансформации социально-политических и иных идей в «коллективную веру» больших масс людей. Оформившись в какую-либо форму, наполненную социально-политическим содержанием, идея, посредством подражания и внушения обретает «статус» коллективной веры. Нередко политическая идея (идеология), став объектом коллективной веры, постепенно утрачивает изначальное содержание. Она трансформируется в некий идеальный объект, лишенный преднаходимого в реальности эквивалента, но имя которого не лишено смысла. Поэтому народные массы продолжают сохранять верование в нечто и даже тогда, когда предмет веры логически недоказуем. Однако, предмет веры принимается в качестве непреложной ценности и находится в основе мотиваций поведения и деятельности народных масс. Слепое следование людской массы нелепой, с точки зрения здравого смысла, идее, свидетельствует об антропологической причине механизма запуска конфликта. Антропологический фактор, в силу присутствия ему психологических свойств контагиозности, обретая форму коллективного бессознательного, предстает как вероятностная модель объективации потенциальной конфликтности в собственно конфликт. В этих условиях, нельзя исключать вероятность того, что народные массы под воздействием политических антрепренеров, имеющих целью конфликт, способный дестабилизировать национальную безопасность страны, могут стать объектом спекулятивных политических манипуляций.

Ключевые слова: конфликт, конфликтогенность, национальная безопасность, контагиозность, менталитет, народные массы, подавленные переживания, коллективная вера, политический антрепренер, коллективное бессознательное.

Введение

В недалеком прошлом отечественной конфликтологии преобладала теория социального конфликта, в соответствие с которой экономический фактор являлся главной причиной антагонистических противоречий в обществе, разрешение которых было возможно, в частности, революционным путем. Современная российская конфликтология является междисциплинарной областью исследования проблем возникновения, развития и завершения столкновений между людьми. На сегодня существует множество определений конфликта. Авторы обзорной работы по проблемам конфликта, сопоставив различные определения, предложенные отечественными психологами, пришли к обоснованному выводу об отсутствии сложившегося общепризнанного понимания конфликта [2]. Вместе с тем все возможные конфликты подпадают под следующее определение: конфликт – это открытое столкновение, противоборство сторон, при котором хотя бы одна из них воспринимает действия другой как угрозу своим интересам [13]. Есть мнение и о конфликтности как свойстве имманентного всякому обществу, ибо

отношению «индивид-общество» внутренне присущ исходный конфликт [9]. Учеными осмыслены механизмы запуска конфликта. Установлено, что процесс возникновения и развития конфликтов может быть описан посредством общей модели психологического воздействия. Показано, что случайные конфликты возникают также по общей модели психологического воздействия и по ней же могут быть предотвращены. Дано теоретическое объяснение ранее эмпирически установленной закономерности эскалации конфликтогенов [12]. Весьма широко представлена проблема конфликтологии в контексте безопасности государственной и личной безопасности в том числе о наличии взаимной связи между национальной безопасностью государства и ощущением его отдельным гражданином стабильности собственного существования [4]. Интегрирующую возможность конфликта отмечал Г. Зиммель [6]. Альтернативный вариант концепции социального согласия, который оформился в собственно социологию конфликта, предложили Р. Дарендорф [5], Л. Козер [7] и другие. Здесь конфликт полагается неизбежным следствием отношений власти как результат сопротивления существующим в социуме отношениям господства и подчинения. При этом упор делается на возможные положительные функции конфликта, служащих делу интеграции общностей. Ставилась задача минимизировать, или же устранить деструктивные влияния конфликта и использовать его положительные возможности. Подобная установка побудила немалое число исследователей к поискам путей и методов управления конфликтами. Множество теорий и концепций конфликта, в силу иерархической соподчиненности структурных уровней всякого научного исследования, базируется на разных, относительно общих концепциях социального противостояния и столкновения сторон. В конечном итоге любой вариант или версия общей теории конфликта содержит две целевые установки: 1) на «разрешение» конфликта, и 2) на «управление» конфликтом.

Почему в науке конфликтология системообразующая роль принадлежит психологии? – потому что «...многие неосознаваемые мотивы поведения людей в социальных конфликтах в первобытном виде присутствуют в социальных зооконflikтах» [1, с.2]. Конфликтогенность, или же кризисогенность как частный случай социально-психологической проблемы безопасности, по уровню возникновения и проявления может быть представлена и как национальная, и как международная и как глобальная безопасность [10, с.93].

Модальная характеристика конфликта

Конфликтогенность – это еще не конфликт. Она есть тенденция становления конфликта, его модальная характеристика. Конфликтогенность будучи альтернативной наличному состоянию, реализует себя в прогностических формах концептуального моделирования. В концептуальном пространстве моделей имманентно присутствует презумпция конфликта, элиминирующая себя в таких структурах его содержания как предельное обострение противостоящих сторон. Термин «конфликтогенность» выражает потенциальную возможность обострения отношений противостоящих сторон. Объективно существующая тенденция фундируется онтологическим основанием, подчиненным определенной закономерности развития. Конфликт как потенциальная возможность объективируется в каждом отдельном случае ситуационно и своеобразно. Поэтому механизм его запуска может быть весьма пестрым и многообразным. Анализ факторов актуализации конфликта показывает, что часто фактор социально-политический не является подлинной причиной столкновений. В действительности политические лозунги и призывы суть прикрытия отношений по поводу имущества, собственности, природных ресурсов, территории. И возникает вопрос: если за ширмой политических лозунгов скрыта иная причина конфликта, то какова эта причина? Относятся ли к причинной обусловленности конфликта только экономические и властные отношения сторон? Безусловно, нет. Типология социальных конфликтов включает и так называемые «межэтнические» конфликты, в которые часто сознательно внедряется этнический элемент с целью сокрытия истинных мотивов конфликта. Не случайно столь популярно в конфликтологии выражение «политический антрепренер» – человек, оперирующий и манипулирующий фактором этничности. Безотносительно истинных объективных причин конфликта, последние облакаются в конкретные социально-политические лозунги, которые центрируются идеями и идеологией. Типология социальных конфликтов включает и религиозные столкновения,

когда огромные массы людей способны вести продолжительные и изнурительные схватки по поводу и на предмет ценностей «своей» религиозной веры [15;16]. Террористические действия религиозных фанатов-одиночек Л. Февр понимал как преломление коллективного в индивидуальном [17]. Подверженность людской массы и ее слепое следование даже самой нелепой, с точки зрения здравого смысла, идее, свидетельствует о значительной роли собственно антропологической причины в механизме запуска конфликта. Несмотря на разумность, которая всегда являлась предметом антропологической гордости человека, он – человек, прежде всего, есть существо бионейропсихическое. На уровне общественной организации, совокупности биологических, психофизиологических данных, включая импульсивные влечения и устремления человека, социализируется, и обретает духовные идеальные формы. Оформившись в какую-либо конкретную форму, наполненную, как правило, социально-политическим содержанием, идея посредством подражания и внушения обретает «статус» коллективной веры. В конфликтогенных условиях идея становится предметом веры одной противоборствующей стороны (или сторон). Верование в нечто, по определению, есть явление, когда предмет веры часто логически недоказуем. Однако, оно принимается в качестве непреложной ценности и находится в основе мотиваций поведения и деятельности людской массы. Нередко политическая идея (идеология), став объектом коллективной веры, постепенно утрачивает изначальное содержание. Она трансформируется в некий идеальный объект, лишенный преднаходимого в реальности эквивалента, но имя которого не лишено смысла. Поэтому исследователи массовых социальных движений, в частности Г. Лебон, писали о том, что чем нелепее идея, тем сильнее она будоражит умы и подвигает людей на невероятные действия [8 С.134].

Подавленные переживания, подражание и механизм запуска конфликта

Объективация идеи в поведение, в действие происходит следующим образом. Мысль, как сознательная, так и бессознательное архетипическое, сделавшись активной, вместо того чтобы двигаться по клеткам серого вещества и порождать другие мысли, может прямо проявиться наружу, в движение, в действие. Более того, невольные действия иногда бывают сложнее, искуснее действий сознательных и обдуманых. «Неожиданно» проявляются главным образом деструктивные активно-двигательные проявления. Иные же проявления, как правило, либо незаметны, либо привычны и как бы не актуальны. Деструктивную направленность приобретают, в частности те проявления коллективного общественного умонастроения, которые когда-то пребывали в подавленном, угнетенном состоянии. Такое состояние умонастроения общности можно отнести к подавленным переживаниям. К ним мы отнесли бы и неразрешенные, с точки зрения конфликтующих сторон (одной из сторон), конфликты, имевшие место в историческом прошлом. Как правило, такого рода конфликты имели место по поводу территорий или иных претензий, связанных с естественными условиями существования конфликтующих сторон. Происхождение подавленных переживаний многообразно и может быть связано с историческими и социокультурными факторами общественного развития конкретного социума. Подавленные переживания возможны и вследствие насильственного навязывания общности какого-либо образа мысли, образа поведения. И, когда появляется возможность несоблюдения навязанных норм, происходит всплеск эмоций, действий, нацеленных главным образом, деструктивно. Переживание не всегда предполагает явного, тем более вербального выражения. Поэтому для стороннего наблюдателя оно латентно. И когда происходит трансформация его в явные формы, оно предстает неожиданным. К. Ясперс, например, причинно связывает подавленные переживания и архетипическое. «...Архетипическое является продуктом исторически подавленных коллективных переживаний. Это, с одной стороны, – пишет он. В свою очередь, переживания «вызывают к жизни» манифестирование менталитета, служа механизмом запуска его составляющих. Можно предположить, – продолжает К. Ясперс, – что присущие определенным историческим эпохам типы переживаний и религиозные воззрения, обуславливая специфику некоторых влечений и целей, запускают в движение механизмы, которые так и оставались бы в латентном состоянии» [14, с. 880]. Словом, человек, одаренный разумом, часто бывает неразумен. Коллективные представления, равно как и коллективные фантазии, бу-

дучи совокупностью безраздельно и бессознательно принимаемых положений, и оформленные в некие символические формы (например, политические, религиозные лозунги) придают группе, коллективу ощущение реальности и основу для исторических действий. В основе их формирования лежит имманентная коллективному сознанию иллюзорность. Иллюзорность заложена в природе и сущности человека, в его способности целеполагать, абстрагироваться, мечтать, фантазировать и т.п. С научной точки зрения иллюзия – это представления, которым соответствуют определенные предметы, но произвольное вмешательство душевно-духовного фактора преобразует реальность в направлении, желанном для индивида, общества. О роли иллюзий в контексте созидания того, чего нет в природе, написано немало, и свидетельств тому множество. К ним относятся и социально-политические идеологии. Часто человек придает иллюзии статус объективной реальности, образ и символ имеет для него большее значение чем, то, что существует в действительности. Иллюзорность может обретать идеальную структуру, содержать в себе некоторые устойчивые компоненты. Как правило, эта идеальная структура иллюзии, включает идею, которая, конечно же, важнее, чем сам факт. Центрированная идеей эта структура функционирует по некоей заданной программе, выражаясь в определенных стереотипах, нормах, ценностях и т.д. На индивидуальном уровне несоответствие желаний, порождаемых иллюзией, с реальностью, приводит к экзистенциальному переживанию человека. Отсюда – разлом в душе человека, конфликт с самим собой, с обществом, с государством. Возникает переживающий человек, как некая постоянная сущность. На коллективном уровне конфликт между иллюзией и реальностью разрешается почти мгновенно, так как вместе с гибелью идеи, зачастую порожденной иллюзиями, рассыпается и вся идеальная структура. Подверженность коллектива, массы, общности различного рода идеологиям, как это давно замечено, носит почти абсолютный характер. Подражание по Г. Тарду составляет самую суть социальной жизни. Общность верований, стремлений, идей и прочее достигается не иначе, как путем подражания. В конце концов, подражание, полагал он, представляется одним из проявлений общего мирового закона, выражающегося: 1) колебанием физической среды; 2) разнумением организмов; 3) подражением в социальной среде. Под подражением Тард подразумевал распространение в социальной среде каких-либо мыслей, желаний и верований безразлично, будет ли оно сознательным или бессознательным, произвольным или произвольным; действие на расстоянии одного ума на другой, действие, состоящее и в фотографическом воспроизведении одного мозгового клише чувствительной пластиной другого мозга [11]. Поэтому идеология в «чистом виде», безотносительно конкретного содержания, должна быть отнесена также к коллективным представлениям.

Социально-политическая идеология и коллективные представления

Говоря о социально-политической идеологии как об одном из проявлений коллективных представлений, необходимо подчеркнуть принципиальную значимость различий идеологий по их содержательной наполненности, и отсюда их созвучности и «органичности» умонстроению конкретной общности, в среде которой культивируется данная идеология. Только та социальная идея способна пустить корни, которая созвучна умственному настрою и ожиданиям общности. Безусловно, общественное сознание не идентично идеологии. Их взаимосвязь «во-все не так проста, как представляется на первый взгляд, но в любом случае это именно взаимосвязь и взаимовлияние» [3, С.45]. Социально-политическая идеология является менее устойчивой, более изменчивой составляющей общественного сознания. «Объем» ее представленности в общественном сознании прямо пропорционален созвучности доминантных лозунгов идеологии тем ожиданиям общности, которые сформировались в ходе ее исторического, социокультурного развития. Мера временного бытия идеологии определяется динамикой социокультурного движения общества. Она находится в функциональной зависимости от множества социально-экономических, социально-политических факторов развития общества. Чем менее органична идеология антропологическим основаниям индивида, его жизненно важным интересам, тем менее она устойчива, преходяща, и соответственно, быстрее и интенсивнее «вымывается» из сознания общества. Однако, она может в ослабленной и мимикрированной

форме уйти вглубь душевно-духовной организации индивида, общности и найти себе пристанище в ее неведомых тайных кладовых, в ожидании случая, чтобы заявить о себе вновь. Онтологическим основанием продолжающих сохраняться в «тайниках души» остатков еще вчера актуальных идеологических клише, являются те душевно-духовные структуры сознательно-бессознательного, которые сформировались в далеком историческом прошлом общности, и которые еще вчера обеспечивали этим клише полноправное бытие. Они обеспечивали бытие идеологии, по сути «смысла-суррогата», «смысла-фантома» некоего идеального объекта, не обладавшего предметным значением. Если бы они не были таковыми, то их актуальное бытие состоялось бы. Однако, как правило, актуальное бытие подобных идеологий обладает наименьшей амплитудой колебания собственного выражения в духовной жизни общности. Чем менее долг путь временного бытия идеологии, тем ярче она «светится». Это свойство характерно идеологиям, привнесенным и навязанным общности извне. Однако, «искусственно» культивируемые идеологии «приживаются» там и тогда, когда находят некую почву в душевно-духовной организации общности для прорастания пусть и на недлительный срок.

Идеологические новации порождают в общественном сознании и психологии сложную сеть чувственно-эмоциональных, сознательно-бессознательных метаморфоз, выражающихся во множестве неявных смысловых коннотаций, имеющих тенденцию к некой «упорядоченности» и направленности. Тенденция к конкретной направленности «определяется» смутно ожидаемыми желаниями, влечениями и надеждами общности. Окончательную «логическую» направленность и редакцию неявным смысловым коннотациям придает его Величество Разум, который на уровне общности, как правило, персонифицирован, выступая то в роли государственного, или партийного лидера, или мессии и т.п. Если обратиться к реалиям современности, то мы видим, что старшее поколение в массе своей полагает прошлые социалистические времена благими. И это несмотря на очевидность того факта, что идея коммунизма, во всяком случае в той редакции, какую она имела в СССР и в других социалистических странах, является утопией. Тем не менее, идея коммунизма неоднократно в истории человечества будоражила умы и вдохновляла сотни миллионов людей. Между тем как идея коммунизма не обладает предметным значением, т.е. объективным содержанием, и, вероятно является, лишь идеальным объектом, лишенным преднаходимого в реальности эквивалента. И происходит это потому, что человек есть по природе собственник и отнюдь не «комюн» (общественник). Однако имя коммунизма, как предмета веры, не было лишено смысла, в противном случае не было бы и массового энтузиазма в созидании социализма (коммунизма). Что касается старшего поколения, его обращенности к прошлому как к благому, то этому есть, на наш взгляд, серьезная причина. И коренится она в собственно антропологическом свойстве человека – чем старше человек, тем сильнее «работает» его ретро-сознание, когда годы юности и молодости предстают как «самые лучшие и прекрасные». Такое восприятие распространяется почти на все, что происходило в те прекрасные молодые годы и, безусловно, оно достойно уважения.

Выводы и заключение

Представлен возможный вариант конфликта, роль социально-политической идеи в его актуализации. При этом нами предполагалась любая политическая идея «наложенная» на среднестатистическую общность. Общность может быть профессиональная, конфессиональная, этническая, классовая, корпоративная и т.д. Задав обширную вариативность социальным общностям, мы хотели высветить роль антропологического фактора конфликтогенности. Однако, всякая общность конкретна и пребывает в конкретной социальной среде, одновременно порождая совокупность отношений и являясь их составной частью. Нам представляется, помимо субстратного истолкования природы антагонизмов, необходимо расширять исследовательское поле, представив предмет познания как процесс. При этом функциональная модальность должна иметь приемлемые параметры, близкие к реальному положению субъектов конфликта. Так, например, нет необходимости значительно превышать реальные территориальные пределы сосуществования конфликтующих сторон. Напротив, исследуемое историческое время совместного сосуществования указанных сторон, должно быть по возможности более протяженным.

Если объектом исследования является этнический конфликт, то необходимо исследовать исторические «перекрестки дорог» этих этносов. Крайне важно, на наш взгляд, учитывать количественный состав каждой стороны этнического конфликта, потому что именно на изломе взаимоотношений «этнос многочисленный – этнос малочисленный» складываются весьма специфичные межэтнические отношения. Нельзя получить адекватную реальности картину, если вне поля внимания исследователя останется особенность этнического характера и менталитета. Словом, необходимо сместить фокус внимания с природы, с «онтологии» конфликта на способы их изучения, разрешения, прудотвращения с позиций прагматизма и инструментализма.

Библиография

1. Анцупов А.Я. Конфликты как угроза безопасности России// Мировые цивилизации. 2019. №3-4, Т. 4.с.1-6
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. Учебник для вузов. 5-е издание. СПб.: Изд-во «Питер», 2013. 512 с.
3. Гершунский Б.С. Менталитет и образование. М.: Институт практической психологии. 1996. -С.45.
4. Григорьева М.А., Григорьев С.М. Энтропия безопасности // Человеческий капитал. – 2018. -№ 1 (109). С.72-79
5. Дарендорф Р.Г. Элементы теории социального конфликта / Р.Г. Дарендорф. – Москва: Директ-Медиа, 2007. – 21 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=26507> (дата обращения: 03.10.2019). – ISBN 978-5-94865-946-6. – Текст: электронный.
6. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии/сост. С. Я. Левит. -М.; С-П.: Университетская книга. Центр гуманитарных инициатив. 2015. -416с.
7. Козер Л.А. Функции социального конфликта/Перевод с англ./М.: Идея-пресс. -2020. -295 с.
8. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896. – С.134
9. Степаненкова В.М. «Борьба всех за всех»: теория конфликта Георга Зиммеля // Социологический журнал.1999. №3-4. С.123-138
10. Сухов А.Н. Социально-психологический подход к пониманию различных видов безопасности // Человеческий капитал. – 2021. – №9 (153). С.93-98
11. Тард Г. Общественное мнение и толпа/ Пер. с фр. / Под ред. П.С. Когана. Изд. 2-е.-М.: Ленанд, 2015
12. Шейнов В.П. Модели психологических воздействий, приводящих к конфликтам // Системная психология и социология. 2016. №1(17) С. 59-65.
13. Шейнов В. П. Управление конфликтами: теория и практика. Минск: Харвест, 2010. 912 с. URL: https://bookap.info/book/sheynov_upravlenie_konfliktami/gl55.shtml (дата обращения: 11.03.2020). электр. вариант.
14. К. Ясперс Общая психопатология. М.: Практика, 1997. – С.880.
15. Alain Boureau Propositions pour une histoire restreinte des mentalities// Annales ESC -1989-№ 6.
16. Klavdiya Vasilyeva, Osor Ochirov The Mentality as the Image of the Cognitive Properties of the Other// Proceedings of the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2017)
17. «Revue de syntes» 1983 №111/112 (A propos des differences scientiques de Bloc et de Le Fevr).

**CONFLICT POTENTIAL AND CONFLICT:
SOCIO-PSYCHOLOGICAL METAMORPHOSES**

DOI: 10.25629/HC.2021.12.06

Vasilyeva K.K.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service

Abstract. A conditional model of the socio-psychological mechanism of transformation of socio-political and other ideas into the "collective faith" of large masses of people is presented. Having taken shape in any form filled with socio-political content, the idea, through imitation and suggestion, acquires the "status" of a collective faith. Often a political idea (ideology), having become an object of collective faith, gradually loses its original content. It is transformed into a kind of ideal object, devoid of a profound equivalent in reality, but whose name is not devoid of meaning. Therefore, the masses continue to believe in something, even when the object of faith is logically unprovable. However, the object of faith is accepted as an immutable value and is at the heart of the motivations of the behavior and activities of the masses. Blind adherence of the mass of people to an absurd, from the point of view of common sense, idea, testifies to the anthropological reason for the mechanism of triggering the conflict. The anthropological factor, due to its inherent psychological properties of contagiousness, having acquired the form of a collective unconscious, appears as a probabilistic model of objectification of potential conflict potential into a conflict itself. In these conditions, it cannot be ruled out that the masses, under the influence of political entrepreneurs who aim at a conflict that can destabilize the country's national security, may become an object of speculative political manipulation.

Key words: conflict, conflictogenicity, national security, contagiousness, mentality, popular masses, suppressed feelings, collective faith, political entrepreneur, collective unconscious.